

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)522

Общественные проекты восстановления традиционных институтов земского представительства в России в эпоху первой политической «оттепели» (1855–1862 гг.)

В.А. Должиков¹, А.В. Протасов¹

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Public Projects to Restore Traditional Institutions of Zemsky Representation in Russia during the First Political “Thaw” (1855–1862)

V.A. Dolzhikov¹, A.V. Protasov¹

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается ряд общественных проектов модернизационного восстановления традиционных русских институтов земского представительства. Особое внимание авторы уделяют анализу проекта «Уставной грамоты Русского государства» Леонида Блюммера, который мог бы стать базовым компромиссным вариантом для эволюционной трансформации абсолютизма в конституционную монархию современного типа. Авторы уделяют внимание тенденциям модернизации и контрмодернизации в России, приходят к выводу, что у Александра II был шанс осуществить органичную модернизацию, на которую он, однако, не решился. Авторы считают, что Александр II мог пойти навстречу стремлениям образованного класса, представители которого предлагали сразу несколько альтернативных вариантов развития. Кроме того, российская образованная общественность ждала дарования конституции в год тысячелетия Руси. В итоге политическая оттепель сменилась репрессиями против реформаторского общественного движения. Поэтому ставится под сомнение успех Великих реформ «сверху», которые, по мнению авторов, привели к расколу в национальной политической элите, а впоследствии к революциям «снизу» начала XX в.

Ключевые слова: модернизация, реформы, русские политические традиции, земское представительство, конституционализм.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-13

Модернизация отечественной политической системы остается до сих пор актуальной и, увы, нерешенной проблемой. Это связано, вероятнее всего, со спецификой реформ, которые в прошлом осуществляла государственная власть исторической России. Во-первых, сам процесс «осовременивания» страны

The article discusses certain public projects of restoration of Russian traditional institutions, the so-called zemstvo councils. Special attention is paid to the analysis of the «Russian State Charters» written by Leonid Blyummer, which could serve foundation for the compromise version of evolutionary transformation of absolutism into a modern constitutional monarchy. The authors pay attention to trends of modernization and counter-modernization in Russia. The authors conclude that Alexander II could make a natural move to modernize the political system in an organic version; however, he did not dare do it. The authors believe that Alexander II could accept the aspirations of the educated class, whose members offered several alternative scenarios. Moreover, the Russian educated public expected the adoption of the constitution in the year of the Millennium of Russia. As a result, the political thaw was replaced by repressions against the reformist social movement. Therefore, the authors questioned the success of the «great reforms» from «above», which, according to the authors, led to a split in the national political elite, and subsequently to the revolution from «below» at the beginning of 20th century.

Key words: modernization, reform, Russian political tradition, the zemstvo councils, constitutionalism.

иницировался и осуществлялся только «сверху». Во-вторых, модернизации проводились по так называемому неорганичному сценарию, когда накопленные обществом политические традиции, а также институты, укоренившиеся к тому времени в отечественной «почве», полностью уничтожаются. Выразительный

исторический тому пример – «европеизация» России Петром Великим. В-третьих, инициаторами политических модернизаций (включая советский и постсоветский периоды), как правило, выступали верховные правители с западническим, европоцентристским мировосприятием. Будь то «византисты» (Иван III, Иван IV), «германофилы» (Петр I, Павел I, Александр II), «франкофилы» (Екатерина II, Александр I), «марксисты» (Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев) и т.д. Причем политический процесс развертывался всякий раз по схеме «один шаг вперед, но два шага – назад!». Отсюда – чередование «оттепелей» и «заморожков», «реформ» и «контрреформ». В конечном же итоге, неоднократные попытки модернизировать отечественную государственность «сверху» прерывались из-за попятного сползания в противоположную современности (modern) колею контрмодерна. Собственно поэтому, на наш взгляд, никогда еще в России ни одна из таких реформ не была доведена до своего логического завершения.

Весьма примечательной в этом смысле была эпоха первой в истории отечественного государства политической «оттепели» 1855–1862 гг., которая, по мнению современных исследователей «либерального» толка, увенчалась так называемыми Великими реформами. Тем не менее вряд ли преобразования того времени можно считать успешными. Хотя бы потому, что самую актуальную для страны реформу – конституционно-политическую – император осуществить так и не решился. «Александр II Освободитель, – справедливо замечает профессор социологии Северо-западного университета (Чикаго, США) Г. Дерлугьян, – оказался Горбачевым XIX века. В результате его важных, но половинчатых реформ возник парализующий раскол элит на абсолютистских консерваторов, отстаивающих свои привилегии на должности и доходы с поместий и склонную к радикализму интеллигенцию, чьи современные профессиональные знания не находили ожидаемого применения» [1, с. 22]. Иначе говоря, после вроде бы удачной модернизации Российская империя 1860–1870-х гг. продолжала находиться в состоянии перманентно углублявшегося системного кризиса.

Ни об эволюционном переходе после 1862 г. к «нормальному» рыночному капитализму, а тем более о формировании в стране политической системы современного типа, говорить, на наш взгляд, не приходится. Напротив, абсолютистская бюрократия сумела осуществить взамен полной ликвидации крепостничества тотальное возобновление все той же системы. Свободы выхода из общинного «мира» крестьяне, составлявшие абсолютное большинство населения страны, не получили. В пореформенной Российской империи по-прежнему отсутствовала свобода передвижений, так как сохранился фундаментальный

принцип государственного крепостничества – внеэкономическое прикрепление сельской общины к земельным наделам с помощью полицейской паспортной системы и мирской круговой поруки. Негативные последствия подобной квазиреформы таили в себе будущую угрозу масштабной крестьянской революции.

Между тем история давала шанс императору Александру II предотвратить будущую катастрофу. Для этого ему надо было только пойти навстречу стремлениям русского «образованного класса», представители которого предлагали сразу несколько альтернативных вариантов достойного выхода из политического кризиса. Именно дворянской национальной элитой были разработаны проекты реставрации традиционных институтов представительной власти, способных обеспечить поэтапный эволюционный переход к режиму конституционной монархии.

Первым из общественных деятелей, кто четко сформулировал в самом начале «оттепели» вопрос о восстановлении в России представительных органов, ликвидированных верховной властью в конце XVII в., был К.С. Аксаков, один из родоначальников русского (славянофильского) почвенничества. «...свобода слова, – заявлял он в своем «Дополнении» к записке «О внутреннем состоянии России» (март 1855 г.), адресованной императору, – необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор» [2, с. 81]. Срочное решение этой проблемы необходимо, так как «современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью». По жесткой оценке К.С. Аксакова, «всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди: нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде честные люди – тоже воры: исключений немного» [3, с. 71–72]. Пишет мыслитель, разумеется, о коррупции (от лат. *corruptio*, т.е. по-русски, порча, разложение). «Велика внутренняя порча России, – отмечал мыслитель, – порча, которую лезть старается скрыть от взоров государя...» [3, с. 73]. Заметим особо, что выдвинутая К.С. Аксаковым идея политической реставрации Земского Собора была поддержана общественностью с досадным опозданием. Всю вторую половину 1850-х гг. представители русского дворянства сосредоточили все свое внимание вокруг объявленной императорским правительством полугласной подготовки к отмене крепостного права.

Лишь на страницах «Колокола», эмигрантской газеты, издававшейся в Лондоне Н.П. Огаревым, в ноябре 1858 г. «неустановленный автор» опубликовал злободневную публицистическую статью «Реформа

сверху или реформа снизу», в которой поддержал «земскую» инициативу К.С. Аксакова. «В этой аналитической работе доказывалось, что надо дать народу хорошие законы, и для того пересмотреть, от альфы до омеги, всю ту путаницу нелепейших и одно другому противоречащих постановлений и учреждений, которые составляют необъятную массу нашего нынешнего свода законов». а поскольку «...хорошие законы пишутся не канцеляриями и разными отделениями, а самими народами, то созвать для предполагаемого пересмотра *земский совет из выборных от всех сословий*» (выделено нами. – В.Д., А.П.) [4, с. 228]. Иначе говоря, автор статьи также выступал за восстановление существовавшего в прошлом общегосударственного законодательного собрания. Характерно, что шеф-редактор лондонского издания сопроводил публикацию любопытным комментарием. «Помещая эту очень замечательную статью в Колоколе, – подчеркивал А.И. Герцен, – мы должны признаться, что *не во всем согласны с автором*» (выделено нами. – В.Д., А.П.) [4, с. 227]. и это понятно. Тогдашняя его позиция была заявлена в статье «Через три года» (начало 1858 г.). Александр II называется здесь впервые «Освободителем», наследником декабристов и пр. «Он работает с нами, – чересчур оптимистически восклицал А.И. Герцен, – для великого будущего» [5, с. 67–68]. к сожалению, шеф-редактор эмигрантской газеты ошибался в своем прогнозе насчет реформаторского потенциала правящего императора.

В отличие от Герцена и некоторых других «властителей дум» того времени автор вышеназванной статьи (а, по нашему мнению, это был самый близкий друг и сподвижник лондонских эмигрантов Михаил Бакунин, находившийся в тот момент в томской ссылке) не мог заблуждаться на сей счет по целому ряду причин (подробнее см: [6]). Содержание вышеупомянутой публикации «Колокола» никем из отечественных исследователей еще не рассматривалось.

В статье сформулирована своего рода программ минимум из 9-ти пунктов, нацеленная на модернизацию отечественной политической системы. Многие из них и сегодня не утратили своей актуальности. Например, в пункте 4 обосновывалась важность системного принципа разделения властей, без которого современное государство немислимо. а в Российской империи того времени наблюдалось, по словам автора, «смещение законодательной, судебной и исполнительной власти и полная безответственность министров, на которых нет суда...» [4, с. 220]. по ключевому «земскому» вопросу М.А. Бакунин был солидарен с К.С. Аксаковым. «В России производится теперь повсеместная агитация, цель которой: созвание *Всенародного Земского Собора*, – позже сообщал он одному из своих сибирских друзей, – *единоспособно-го решать мирно, бескровно, вопросы неотлагатель-*

ные, но для правительства нашего неразрешимые...» (выделено нами. – В.Д., А.П.) [7, л. 4]. Эту свою позицию М.А. Бакунин разъясняет в другом воззвании того же периода. «...для нас, *поборников свободы*, вопрос о праве – вопрос существенный, – заявлял он в феврале 1862 г., – Мы понимаем, что где *право*, там и настоящая *сила*» (выделено нами. – В.Д., А.П.) [8, с. 1027]. в данном пункте «великий анархист» ориентировался на ценностные нормы аутентичного демократического либерализма.

Только после обнародования положений реформы 1861 г., когда многие из представителей «образованного класса» осознали, что бюрократия, перехватившая у них стратегическую инициативу, смогла предельно выхолостить освободительный смысл решения «крестьянского вопроса», у лозунга реставрации земских представительных учреждений появилось множество сторонников. В этот короткий промежуток времени, уже на роковом изломе «оттепели», было разработано и обнародовано несколько авторских проектов. Среди них, во-первых, следует отметить заграничную публикацию А.И. Кошелева, видного славянофила-почвенника, который предлагал «созвание на общий совет выборных от всей земской Руси – *Общей земской думы* в Москве». Во-вторых, в Берлине был напечатан аристократический проект князя П.В. Долгорукова. По его мнению, в России «власть законодательная должна быть разделена между Государем, Думой Земскою и Думой Боярскою». В-третьих, нам известны два конституционных проекта, составленные представителями молодого поколения национальной элиты, «шестидесятниками» Л.П. Блюммером («Уставная грамота Русского государства») и Н.А. Серно-Соловьевичем («Уложение императора Александра II»). Оба варианта предусматривали созыв законодательных органов общенационального представительства: в первом случае двухпалатного Собрания выборных народных представителей, состоящего из Боярской думы и Земской думы, а во втором – однопалатного Народного Собрания.

В рамках настоящего исследования мы характеризуем детально лишь оригинальный проект Л.П. Блюммера, поскольку его разбор отсутствует в историко-правоведческой литературе. Более или менее подробный анализ «Уставной грамоты Русского государства» мог бы, по нашему мнению, способствовать пониманию смысла достаточно умеренных преобразований, которых ожидали от действующего императора сторонники конституционного общественного движения. Заслуживает внимания и сам автор данного проекта, разделивший трагическую судьбу генерации молодых «шестидесятников», идеи и таланты которых остались невостребованными.

Леонид Петрович Блюммер (1840–1888) родился в селении Ени-Кале Таврической губернии в се-

мье потомственных дворян. Согласно сведениям «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», по своему происхождению фамилия Блюммеров была родом из Швейцарии (кантон Гларус). Детство Л.П. Блюммера прошло на Кавказе, где служил офицером его отец. В 1850 г. он поступил в Симферопольскую гимназию, затем с началом Крымской войны переведен во вторую Харьковскую гимназию. После выпускного класса в 1857 г. поступил на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Еще в студенческие годы его увлекла литературно-журналистская деятельность. Статьи Л.П. Блюммера публиковались в «Искре», «Книжном вестнике», «Иллюстрации», «Северной Пчеле» и «Светоче». В 1861 г. Блюммер выдержал экзамены в Московском университете на ученую степень кандидата права, но в том же году был вынужден уехать за границу. Причиной эмиграции стала реальная угроза репрессий, так как он подозревался в «революционной пропаганде». За рубежом издавал журнал «Свободное Слово» и газету «Весть» (Берлин), а позже газету «Европеец» (Дрезден) [9, с. 442]. Печатные издания Л.П. Блюммера, отличавшиеся четко выраженной оппозиционной направленностью, подвергали критике существовавший в России политический режим с вполне умеренных либеральных позиций. Просветительскую деятельность этого издателя следует рассматривать в контексте истории общественного движения русской дворянской интеллигенции. Цель его публицистики состояла в том, чтобы посредством бесцензурной печати убедить верховную власть на добровольной основе осуществить необходимый минимум конституционных политических реформ.

Начиная издавать в Берлине журнал «Свободное слово», Л.П. Блюммер определял его как «русский политический орган», главная задача которого состоит в «достижении Россией полной свободы совести и мысли, политической и гражданской безопасности лица, равенства всех перед законом и выборного управления, следовательно, необходимо для этого уничтожение самодержавия, замена его конституционной монархией» [10, с. 33]. В своем издании Л.П. Блюммер публиковал не только материалы, доказывавшие необходимость конституционных реформ, но и популяризировал основные правовые нормы будущей монархической конституции.

Заметим особо, что в самом конце «оттепели» довольно распространенной среди тогдашних либералов была уверенность в том, что уж в годовщину празднования тысячелетия Руси в Великом Новгороде император обязательно дарует народу конституцию. Выражая эти общественные настроения на страницах «Свободного слова», Л.П. Блюммер призывал Александра II к переустройству архаичной политической системы: «...опомнитесь, последний из могикан

абсолютизма! Дайте конституцию, созовите Земский Собор – хоть ко дню тысячелетия России. Право, тысяча лет – весьма достаточный срок дурачества самодержавия» [11, с. 331]. К сожалению, мечтам о даровании государем-императором конституции «сверху» не суждено было сбыться.

В самом начале 1862 г. издатель «Свободного слова» решил опубликовать в журнале свой авторский вариант конституции, который по аналогии с известным проектом Александра I Н.Н. Новосильцева назывался «Уставной грамотой Русского государства».

Во вводной части текста, рассуждая в духе правовой философии европейских просветителей, Л.П. Блюммер утверждал, что люди по своей натуре нуждаются в политическом институте, который бы смог уравновесить и ограничить «извращенную» естественную природу человеческой личности. Поэтому автор этого сочинения цель конституционализма видел в том, чтобы «добиваться свободы не от государства, а в государстве» [10, с. 84].

Л.П. Блюммер – сторонник постепенного, а не скачкообразного, «революционного» перехода от одной формы политической организации власти к другой. По его мнению, «первое зло, зло самое сильное, производящее в России всю безурядицу – это произвол». Надежным средством общественной самозащиты от этого зла Л.П. Блюммер считает закон, который, если он принимается всем народом «через своих представителей» и «при отсутствии произвола сверху и снизу», может и должен гарантировать устойчивый порядок.

«Уставная грамота Русского государства» представляет собой документ из 11 разделов и дополнения. Всего же в документе содержится 126 статей.

В первом разделе, «О государственной области», подчеркивается, что земли России составляют неотъемлемую собственность государства, но его территориальные границы «могут быть изменены волею народа».

Второй раздел – «Права русского гражданства» содержит 28 статей. В них перечисляются основные и наиболее значимые права граждан России, среди которых: равенство перед законом; невозможность нарушить личную свободу гражданина; неприкосновенность жилища, писем и бумаг, которая признается органической, т.е. не подлежащей изменению закона; защита частной собственности; обеспечение свободы совести, богослужения и составления религиозных обществ; недопустимость любой цензуры. В этом же разделе Л.П. Блюммер уделяет особое внимание таким гражданским правам, как право каждого письмом, печатью, словом, изображением свободно выражать свое мнение; право собраний и сходок; право каждого участвовать при выборе народных представителей и быть избранным в народные представители, если гражданин имеет нужные для этого цен-

зовые качества (среди них – оседлость, имущество, образование и признание за ним общественной нравственности); право бесплатного обучения детей, причем «вспоможение народному образованию – обязанность государства».

В третьем разделе – «О государстве и державной власти» – 25 статей. Здесь Л.П. Блюммер определяет место и роль монарха в политической системе, которая сводится к следующим положениям: особа государя священна и неприкосновенна; государь безответственен; это представитель исполнительной власти в государстве; без его утверждения ни один закон не получает действительной силы; он назначает и увольняет министров, которые ему подотчетны; он – верховный начальник войска, назначает всех военных чинов, объявляет войну или заключает мир. Кроме того, Л.П. Блюммер определяет процедуру наследования престола, уточняет возраст совершеннолетия государя, а также все другие прерогативы и полномочия, связанные с его деятельностью по управлению государством.

Четвертый раздел «Уставной грамоты» посвящен министрам, которые, согласно Л.П. Блюммеру, назначаются из народных представителей волею государя и ответственны перед народными представителями.

Пятый раздел носит название «О палатах» и определяет характер законодательной власти, порядок формирования обеих палат, а также их функции. Законодательная власть, а также право законодательной инициативы в государстве принадлежит монарху и двум палатам. Нижняя палата формируется из народных (земских) представителей, избираемых по округам на три года.

По проекту Л.П. Блюммера вводится ряд цензовых ограничений для обладания правом выбирать народных представителей: русская национальность; двадцатипятилетний возраст; имущественная оседлость, обеспечивающая доход 15 рублей или уплату 10 рублей прямых налогов в год; наконец, среднее образование. Предусматривались и соответствующие цензы для тех, кто претендует на избрание народным представителем. Среди них: тридцатипятилетний возраст; русская национальность; оседлость, дающая 300 рублей чистого дохода, или уплату 45 рублей прямых налогов, или полученное в высших учебных заведениях образование. Члены палат должны обладать статусом неприкосновенности. Они не могут быть наказаны ни за какое мнение, свободно выраженное во время заседаний палаты.

При внимательном изучении «Уставной грамоты Русского государства» становится заметным ее сходство с Конституционной хартией Прусского королевства 1850 г. Логика, которой руководствовался Л.П. Блюммер при разработке конституционного проекта для России, кажется в общем понятной. В предисловии к «Уставной грамоте» сам он выска-

зывает предположение о том, что «русский государь не должен убояться дать России то уложение, которое дал своему народу его близкий родственник и друг» [10, с. 88]. Действительно, разработчик имел в виду, во-первых, германское происхождение правящей в стране династии. Во-вторых, он учитывал определенные черты внутривосточного сродства России с Пруссией. Кроме того, в тексте прослеживается определенное влияние со стороны классической немецкой правовой философии, а, в особенности, гегельянства, с его безупречно прусскими корнями.

По верной оценке А.Н. Медушевского, «русские конституционалисты рассматривали философскую систему Гегеля как высшее достижение разума, и основывали свои идеи на философии права в трактовке Гегеля» [12, с. 127]. Не был исключением в этом смысле, конечно, и обладатель первой ученой степени Московского университета – «родины» русского гегельянства – профессиональный правовед Л.П. Блюммер. По-видимому, он верил, что субъективно Александру II легче принять именно такой, «германофильский» консервативный проект. Ведь император не мог же не понимать, что Россия все больше отстает от Германии, как и от большинства других держав Запада, где конституционно-монархические режимы уже давно существовали.

Причем Л.П. Блюммер не стремился сочинить доктринально разработанную сословную конституцию: «дворянскую», «буржуазную» или, например, «крестьянскую». Сам он признавался в том, что желал бы для страны хоть какой-нибудь конституции. Наверное, получив «сверху» октроированный ее вариант, впоследствии российская общественность могла бы добиваться большего. Но главная идея Л.П. Блюммера ясна: если будет дарована конституция, то уже в рамках новой правовой политической системы Россия могла бы развиваться в направлении от «отсталости» к «современности», т.е. по пути, которым шли европейские страны. Несмотря на очевидные авторские недоработки «Уставная грамота Русского государства» 1862 г. являлась, на наш взгляд, оптимальным базовым вариантом для начальной стадии формирования более-менее современной государственной системы в Российской империи.

В одном из номеров журнала «Свободное слово» Л.П. Блюммер опубликовал письмо столичного адвоката В.В. Берви-Флеровского, которое было посвящено делу мировых посредников Тверской губернии. Напомним, что в феврале 1862 г. съезд либерально настроенных дворян этой губернии большинством голосов одобрил и принял петицию, направленную императору. «Мы уверены, – заявляли его составители, – что все преобразования останутся безуспешными, потому что предпринимаются без спроса и ведома народа. Созвание выборных от всей земли Русской представляет единственное сред-

ство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных законоположениями 19 февраля. Представляя на благоусмотрение Вашего Императорского Величества всеподданнейшее прошение к созванию Земского собора, мы надеемся, что искреннее желание общего блага, одушевляющее Тверское дворянство, не подвергнется превратному истолкованию» [13, л. 1–1об]. Однако подобные их надежды были тщетными. «Честные люди, убедившись в невозможности блага родной земли при настоящих порядках, – с горечью отмечает В.В. Берви-Флеровский в своем письме издателю «Свободного слова», – искреннее и преданно заявили государю о своих думах. Не так помыслило Петербургское правительство: оно наполнило этими благородными людьми казематы Петропавловской крепости» [11, с. 208–209].

Конечно, созыв императором Земской Думы или Земского Собора хотя бы в прежнем, сословно-представительном формате с последующим восстановлением и развитием правовых функций этого национального института в полном объеме помогло бы, считаем, разрешить в то время самый злободневный для народа вопрос о крепостном праве, о «земле и воле». Специалистам известно, что как раз этот представительный орган, принявший в 1649 г. Соборное Уложение (своего рода крепостническую «конституцию»), оформил данный институт юридически, придав ему законную силу на двести с лишним лет. и логичным, а, главное, легитимным выходом из системного кризиса была бы ликвидация крепостного права не «сверху», не монархом и придворной его бюрократией, как это произошло в действительности, а выборными представителями всенародного Собора.

Российский император Александр II продемонстрировал на изломе лично им инициированной политической «оттепели» реакционное нежелание «поступить принципами» самодержавного абсолютизма. Он отказался восстановить институт Земского Собора в поистине переломном 1862 г. Хотя для конституционного самоограничения верховной монархической власти на данном этапе подворачивался исключительно удобный повод: страна отмечала знаменательную годовщину тысячелетия России. Но император не смог пойти навстречу справедливым конституционным стремлениям пока еще лояльной русской дворянской элиты. Вместо уступок и взаимного компромисса национальная общественность получила со стороны «реформаторского» имперского режима мощный силовой удар в виде неадекватных репрессий.

Так, всего лишь за подцензурную публикацию в приложении к академическому «Месяцеслову» за 1862 г. текста публичной лекции на тему «Тысячелетия России», прочитанную в Петербурге, профессор-историк П.В. Павлов «был сослан *без суда и следствия* в Ветлугу» (выделено нами. – В.Д., А.П.).

а вскоре состоялся показательный судебный «процесс 32-х», в ходе которого раскрылись истинные политические намерения «царя-освободителя». По данным русского историка М.К. Лемке, от карательных санкций в 1862 г. пострадали в действительности свыше 70-ти лиц. Среди них оказались «и ученые, и малограмотные, и верующие, и неверующие, старообрядцы, офицеры и штатские чиновники, дворяне и крестьяне, купцы и мещане, старые и юные, женщины и мужчины». в тюрьму были заточены популярные общественные деятели: Н.А. Серно-Соловьевич, Н.Г. Чернышевский, А.М. Унковский, А.И. Европеус, Н.А. и П.А. Бакунины. Все они выступали в поддержку конституционных преобразований политической системы. Репрессии в то время могли бы задеть Ф.М. Достоевского, В.В. Стасова, И.Д. Сытина и других видных деятелей русской культуры. «Но «Колокол» открыл эту тайну, – замечает М.К. Лемке, – и в №141 и 142 опубликовал список, чем многих спас от казематов» [14, с. 7–9, 11, 13, 15–17]. Широкая огласка скандальной информации Вольной Русской печатью помогла предотвратить уже санкционированную «царем-освободителем» серию новых арестов.

Согласно биографической справке С.А. Венгерова, в 1865 г. Л.П. Блюммер возвратился добровольно в Россию, где был предан суду и как «политический преступник» приговорен к каторжным работам на десять лет. Правда, впоследствии наказание было смягчено. Судебный приговор ограничился лишением его всех прав состояния и ссылкой на поселение в Томскую губернию. Впечатления от четырехлетней сибирской жизни легли в сюжетную основу романа Л.П. Блюммера «Около золота», первая часть которого была напечатана в 1871 г. в журнале «Заря». В 1886 г. сочинение писателя издавалось отдельной книгой под примечательным заголовком «На Алтае». После возвращения из Сибири Л.П. Блюммер жил сначала в Воронеже, а затем до конца жизни работал в Саратове, сотрудничая в газете «Дон», саратовских изданиях «Лист» и «Дневник» [9, с. 442].

Итак, своим отказом восстановить Земский Собор и тем самым начать процесс перехода к конституционному правлению Александр II заложил, по терминологии современного исследователя, «бомбу №1» в «здание пореформенной России» [15, с. 85]. Политические противоречия, вызвавшие системный кризис государственной власти, никуда ведь не делись, а были «заморожены» только на время. Косметические и непоследовательные квазиреформы Александра II вкупе с «контрреформами» его преемника Александра III обернулись в начале XX в. поистине Великими потрясениями, которые влекли за собой рецидив новой всероссийской Смуты и трагическую гибель самой правящей династии.

Библиографический список

1. Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // Эксперт. – 2010. – №8. Специальный выпуск: Лучшие материалы. Модернизация.
2. Аксаков К.С. Дополнение к записке «О внутреннем состоянии России» // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы : хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца. – М., 2012.
3. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы : хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца. – М., 2012.
4. Реформа сверху или реформа снизу // Колокол. – 1858. – №28. – 15 нояб. – Вып. I.
5. Герцен А.И. Через три года // Колокол. – 1858. – № 9. – 15 февр. – Вып. 1.
6. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). – Барнаул, 2000.
7. Бакунин М.А. Письмо к неустановленному лицу «Эмме» [Модесту Масловскому] в Иркутск от 19/7 ноября 1862 г. из Лондона // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 825. – Оп. 1. – Д. 1235.
8. Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. – 1862. – №122–123. – 15 февр. – Вып. V.
9. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – СПб., 1892. – Т. 3.
10. Блюммер Л.П. Уставная грамота Русского государства // Свободное слово. – 1862. – Т. I. – Вып. 2.
11. Свободное слово. – Берлин, 1862. – Т. 1.
12. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1998.
13. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 46. – Оп. 2. – Д. 137.
14. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». по неизданным документам. – СПб., 1908.
15. Янов А.Л. Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825–1921. – Новосибирск, 1999.